

Утренний выпускъ.

Объявления за строку петята или занизм, ею мѣсто: въ Латвія въ текстѣ 1 Л. 40 с. 70 руб.), предл. груда 14 с. (7 р.) позадя текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога. Для заграницы 10 амер. цент. за строку.

СЕГООДНЯ

№ 14.

ВЫХОДИТЬ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ.

9-й г. изд.

**Среда,
19 января 1927 года.**

Цена номера въ Латвія 12 сент. 6 р.) въ Литвѣ за оба изд. 60 цент., въ Польшѣ за оба изд. 50 грш., за утр. 30 грш., за воскр. 35 грш. Подл. плата на „Сегодня“ въ мѣсяцъ (за 7 ном. въ нед., въ Латвія : Л. 50с. (175 р. загр. 5 Л. 20с. 260 р. или 1 амер. долл. Подл. пл. на „Сегодня“ и „Сегодня Вечеромъ“ 13 ном. въ нед.): въ Латвія : Л. 15с., заграницей 8 Л. 50 с. или 1,70 америк. долл. Редакция: Рига, Мельничная 57 (уг. Церк.) Тел.: ред. — 21219, гор. хрон. — 21733 и 2134: ночн. ред. — 21225. Главн. контора и экспедиция: Рига, Мельничная ул. 57. Тел. конторы 21030, тел. рекл. отд. 21225

Встрѣчи съ Чеховымъ и другими писателями.

(Отрывки воспоминаний.)

Письмо от Михайловскаго. — Рассказы въ «Мирѣ Божіемъ» и въ «Русскомъ Богатствѣ». — Жизнь въ Самарѣ. — Знакомство съ Чеховымъ. — Рассказъ Чехова о сельской учительницѣ.

Съ первыми весенними пароходами, мы плывемъ сперва по Волгѣ, потомъ по Суру въ Алатырь, небольшой и глухой убаюкивающий городокъ Симбирской губернии. Впрочем, не страна была, а мила тогда эта медвяная берлога въ основныхъ лѣсахъ! Весь миръ тогда былъ для насъ въ Валае другъ въ другъ, и лучше, что никто и ничто не мешали нашему уединенію... Счастливы, полный силъ и радости бытія, принявшае за литературную работу. Появилось желаніе попасть въ настоящие писатели, завоевать столичные тоистые журналы. Первая же попытка увѣнчалась успѣхомъ: моя повесть изъ гимназической жизни «Ранние всходы» была принята и напечатана въ журналѣ «Миръ Божій», а отъ редакторской тогда еще издательницы, г. Давыдовой, я получилъ длинное поощрительное письмо и предложеніе дать что-нибудь для «Русскаго Богатства», которое редактировалъ Н. К. Михайловскій. Загорѣлся, пишу по ночамъ.

Поспѣваю рассказъ «Гаудеамус и истерія» и съ трепетомъ жду отвѣта. Письмо от штемпельнаго «Петербургъ и «Русское Богатство»! Едва-ли съ большимъ волненіемъ распечатываетъ письмо возлюбленный, ожидающій отвѣта на свое предложеніе руки и сердца, чѣмъ возловился я въ эти минуты! Отъ самого Михайловскаго! Вливаюсь глазами въ торпильный карандашъ его почерка: рассказъ понравился, хвалитъ мой юморъ и проситъ продолжать сотрудничество. Надо знать, что значило въ нашу пору для начинающаго писателя попасть въ толстый журналъ, да получить еще благословеніе такого вѣселищаго критика, какимъ былъ Михайловскій! Но какъ можно было сравнить съ чувствомъ человека, который, долго служаща по глумлѣмъ грязнымъ проселочнымъ дорогамъ, неожиданно выхлѣзалъ

вдругъ на большую дорогу, съ телеграфными столбами, съ потовыми станціями, съ лихо мчащимися тройками. Стетоводъ превратился, наконецъ, въ настоящаго писателя!...

Боже, какое счастье царло въ этотъ день въ нашемъ маленькомъ домикѣ съ палисадникомъ!

Пишу снова, и днемъ и ночью... Одинъ за другимъ слѣдуютъ мои рассказы въ «Мирѣ Божіемъ» и въ «Русскомъ Богатствѣ». Отдыхаю только на охотѣ въ Сурскихъ лѣсахъ, — благодатный для охотниковъ край!...

Въ 1893 году постройка желѣзной дороги кончилась и мы съ женой и съ неизменно сопутствующей намъ «бабушкой» ѣдемъ искать счастья въ К. Самару. Зѣвѣю тогда въ, вѣчно рвущуюся между собою газету: «Вѣстникъ» и «Газета». Около обѣихъ — кружки «бродячей интеллигенціи», какъ напоминали бродячьи музыканты. Въ одной засѣли вновь народившіеся еретики, марксисты, въ другой — мѣшанина изъ народниковъ, народоуправцевъ, народопосвященъ, по курсу неизмѣнно «передовой» и часто радикальный. Въ Самарѣ пребываетъ въ качествѣ поощрѣннаго присяжнаго повереннаго у либеральнаго адвоката Харлина — Владимиръ Ильичъ Ульяновъ (Ленинъ), главный начетчикъ и насадитель ереси, тайно направляющій свою пишущую руку. Редакторомъ нашей газеты — бывшій народоуправецъ Н. П. Алешовъ, недавно только умершій отъ некоего псевдо-большевика въ Россіи.

Безконечные дебаты, споры, ссоры, третейские суды. Брать мои жены, М. Г. Григорьевъ, одинъ изъ новоборщическихъ, пріятель Ленина. Онъ живетъ съ нами въ одной квартирѣ, у насъ — общая столовая, въ которой бывають интеллигентны старей и новой волны. Можете себѣ представить ту

грязь, въ которой мы тогда варились?

Изъ вликихъ еретиковъ назову Г. Циммермана, П. П. Маслова, Молостова, Григорьева. Самъ Ленинъ благо-разумно прятался за ихъ спинами. Характеръ нашихъ схватокъ того времени описанъ мною въ романѣ «Игнатьевъ» и останавливаться на немъ я не буду. Оставлю съ своимъ кружкомъ и работу въ «Самарской Газетѣ». Въ числѣ нашихъ сотрудниковъ будущаго писателя С. Г. Петрова. Считалось и настоящихъ писателей. Н. Г. Михайловскій Гаринъ, часто бывавшій тогда въ Самарѣ, гдѣ былъ у него помѣстье. Въ Самарѣ мы уже не только варились въ своемъ соку, чѣмъ всецѣло обзавелись Якову Львовичу Тейтлеу и его женѣ, квартира которыхъ была вѣчно толчея, всасочкой интеллигенціи, мѣстной и прибавившей изъ разныхъ центровъ. Тутъ о политикѣ и старости говорить запрещалось и всѣ мы отдалась отъ грязи.

Вскорѣ отъ газеты пережился нѣтъ въ роѣ землеремства. Въ Самарѣ была открыта тайная типографія марксистовъ, и количество сотрудничествъ у «Самарскаго Вѣстника» сильно побавлялось. (Ленинъ) благо-разумно исчезъ за нѣсколько дней до открытія типографіи), въ нашей газетѣ произошло принципальный взрывъ, по-лекшій за собою коллективный протестъ и уходъ изъ газеты. И вотъ по какому поводу. Однажды ночью пришла телеграмма отъ императора Александра III, которому я когда-то посвятилъ свою оуд. Редакторъ Алешовъ за свой страхъ и рискъ наскоро отстраивать по сему поводу передовую статью, которую мы назвали чрезвычайно похуловской. Намъ на смѣху въ газету пришла новая бродячая группа во главѣ съ Іегулайломъ Хамидовъ, будущимъ Максимомъ Горькимъ...

Оставшись безъ гроша въ карманѣ съ семей (жена, тѣло и дочка Новелла), я поступилъ по вольному найму въ мѣстный желѣзнодорожный контроль секретаремъ.

«Способности владѣть перомъ» была такъ необходима главному контролеру, что когда его перевели въ гор. Минскъ, онъ потянулъ меня за собою, съ условіемъ моего права — продолжать те-вѣсоранно свою литературную работу.

Такъ я въ 1895 году очутился въ г. Минскѣ, въ «чертѣ еврейской осадло-ти», гдѣ мы прожили до 1902 г.

Не знаю, хорошо это или плохо, что я, лишенный до архлѣхъ дѣтъ права жительства въ столицахъ, не «кнутилъ въ специальную профессиональную гредъ, со всѣми ея положительными и отрицательными сторонами, а жилъ «одиночкой» въ провинціи, владѣетъ отъ политической и журналинскаго суе-ты ея скрепящимися самолюбіями, тщеславіемъ, грязней вскинулъ партіи. До нашего перѣѣзда на жительства въ Москву, что случилось въ 1904 году, мои встрѣчи съ писателями были немногочисленны и бѣготѣ или мѣлкіе случаи. Еще существовалъ будущій сотрудникъ «Вѣстника Восточнаго» познакомился съ Каронинымъ, съ Ма-мискинымъ, Сибіакинъ, мѣстнотъ съ Гиббсомъ Успенскимъ, въ Пилнечтѣ-Повторовѣ съ Короленькой Елпѣт-вскимъ. Всѣ они, за исключеніемъ Гиббо Успенскаго, были тогда лишне, какъ и я, права жительства въ столицахъ и жизни въ провинціи. Но все это, кромѣ Каронина, съ которымъ сдружился еще въ Казанѣ, были еще встрѣчи, чѣмъ знакомства. Зна-комство со столичными писателями ограничивалось пока рѣдкой дѣловой перепиской. Не скажу, чтобы меня и тугиало на личное знакомство съ пи-сателями вообще. Но вотъ кто ко мнѣ давно тугиало, такъ это А. П. Че-ховъ! Должно быть, мой провинціалъ-ная натура и мое знаніе провинціи, ея глумлѣхъ утолковъ и героевъ, тугиало и насмотрѣлся служаща по Россіи, ла-ла особенный интересъ въ мое дѣ-лѣ при чтеніи Чехова. Я позволялъ е-го и тайно дѣлать мечту — когда-нибудь встрѣтиться съ нимъ...

И вотъ мечта сбылась. Мнѣ дали отпускъ, которымъ я и воспользовал-ся, чтобы побывать въ Крыму, гдѣ я еще никогда не бывалъ...

Было это на Пасхѣ, если не намя-неть память, въ 1897 г. Вхалъ я въ Крымъ съ двойной радостью: во пер-выхъ, Крымъ представлялся мнѣ зим-нимъ раемъ, а во вторыхъ, тамъ жилъ тогда мой любимый писатель, А. П. Чеховъ. Сразу дѣвъ огромный радости и не знаю, которая была больше...

Увидѣлъ Антона Павловича, познако-миться съ нимъ — это было не только радостно, но и страшно. Хотя мое имя тогда уже часто фигурировало риломъ съ именемъ А. П. Чехова въ толстыхъ журналахъ, но я всегда стѣснялся и на-бѣгалъ искусственныхъ встрѣчъ съ знаменитостями. А Чеховъ былъ въ

звѣнѣтѣ своей славы и давно уже «об-лажалъ» его и, боланой, искалъ тишины и уединенія отъ надобавшихъ ему по-клонниковъ и почитателей-ншихъ. Жилъ онъ на своей дачѣ, въ Ауткѣ, надъ Ял-той, осаждаемый основною курорной публикой, наждавшаяъ всегда къ Пас-хѣ огромными стадами. Особенно доку-чали дамы и дѣвчца, заочно влѣблен-ны въ Чехова и искавшія случая об-сидѣлись ему въ любви и почитаніи, говорили о его героиняхъ, а, можетъ быть, и посылать его въ свой тайный порокъ литературной графоманіи... И вотъ теперь ядѣтъ еще одинъ поклон-никъ!...

Жизнь въ помератъ. Нѣсколько разъ уже ходилъ въ горы, въ Аутку, а бродилъ, какъ влѣбленный юномъ, мимо дачи Антона Павловича. Останавлива-лся у воротъ и жалѣ, не выйде-ли, а воити не рѣшался и возвращае-ся домой. Неужели такъ и уѣду, не пови-давши Антона Павловича хотя изда-ли? Обидно. А время бѣжитъ, скоро кончается мой отпускъ. И вотъ не вы-держалъ: написалъ Антону Павловичу письмецо съ пріѣздомъ и намекулъ, что только боязнъ помѣнѣла его рабо-ты и уединенію заставлялъ меня сдер-жаться отъ личнаго визита. Опустилъ письмецо въ почтовый ящикъ и сталъ мучиться ожиданіемъ. Вечеромъ того-же дня въ номеръ входитъ лакей и го-воритъ, что меня требуютъ къ телефо-ну. Кто меня можетъ здѣсь вызнать въ телефону? Испугался, покрѣпѣлъ отъ волненія. Иду въ телефонную будку:

— Я у телефона... Кто говоритъ? — Чеховъ! Какъ вамъ не стыдно! Я вѣдь не губернаторъ и не началь-ный департамента... Жду васъ!

— Я боюсь надобѣтъ вамъ, Ан-тонъ Павловичъ... Къ вамъ такъ приставить, что...

— Это совсѣмъ не можетъ относить-ся къ писателю. Для собратіе по оружию, такъ сказать, я всегда дома и только радъ, что отъ меня не заблѣ-вають. Приходите сейчасъ-же! Жду.

Я вѣзалъ возовчика и черезъ полчаса былъ уже въ кабинетѣ Антона Палло-вича и чувствовалъ себя такъ, точно уже давнымъ давно былъ здѣсь и зна-комъ съ этими мѣлкими, кроткими, за-стѣнчивыми, телювкомъ. Спросить о здоровье? «Ничего, покапалава» по маленьку!» Капалаетъ и плещетъ въ бумажные фунтики, которые аккурат-

но сжигаетъ въ каминѣ. На столѣ замѣчаю раскрытый томикъ разсказовъ Мопассана, множество распечатанныхъ писемъ. — Вы писали, я прервалъ вашу работу? «Письма пишу. Иногда это труднѣе для нашего брата, чѣмъ писать повѣсти».

— А сколько книгъ вы написали? — неожиданно такъ спросилъ онъ меня.

— Три тома...

— А сколько вамъ лѣтъ?

Я отвѣтилъ. Чеховъ глубокомысленно помолчалъ и произнесъ очень серьезно:

— Напишите въ жизни не менѣе... десяти книгъ...

Заговорили о молодыхъ писателяхъ. Отзывы Чехова обо всѣхъ самые добрые: всѣ интересны и талантливы. Объ одномъ, всплывшемъ тогда съ такимъ фейерверкомъ на литературномъ горизонтѣ, сказалъ:

— Очень талантливый, но, должно быть, грубый, некультурный человѣкъ... Впрочемъ, это пройдетъ потомъ.

Въ передней настойчиво звонилъ колокольчикъ. Появилась старушка, мать писателя. Онъ познакомилъ меня съ ней.

— А кто тамъ звонилъ?

— Къ тебѣ... Опять дѣвица!... Я сказала, что ты не можешь...

Антонъ Павловичъ какъ-то конфузливо забеспокоился. Всталъ, прошелся по комнатѣ, остановился у окна: во всей фигурѣ — затаенная печаль и раздумье. А старушка пожаловалась:

— Не дають ему эти особы покою съ весны до глубокой осени.

— Можетъ быть, ей нужно... дѣло какое-нибудь — подумалъ вслухъ Антонъ Павловичъ, котораго, видимо, беспокоилъ этотъ отказъ.

— Барыни разные, это другое дѣло... А какъ она выглядить?

— Да ничего, скромная... Съ книжками... Не говоритъ, зачѣмъ ей тебя...

Антонъ Павловичъ подумалъ и сказалъ:

— Я боюсь «сезонныхъ», а изъ-за нихъ и другимъ приходится отказывать.

За завтракомъ Антонъ Павловичъ рассказывалъ:

— Былъ у меня случай такой... и вотъ все боюсь я теперь отказывать въ свиданіи посѣтителямъ. Принимать всѣхъ, это значить, бросить всякую работу и заняться пріемомъ посѣтитель-

ницъ и выслушиваніемъ ихъ комплиментовъ... А между тѣмъ, случаются обидныя ошибки. Въ прошломъ году, напримѣръ... такой случай... Однажды раннимъ утромъ я пошелъ погулять на набережную. Я гуляю рано, пока на улицахъ мало сезонной публики... Встрѣтился съ писателемъ Е—имъ и мы сѣли съ нимъ на лавочку поболтать въ уединеніи. Неожиданно подходит чистильщикъ сапогъ, татаринъ, и подаетъ мнѣ букетъ розъ. Ну, думаю, какая-нибудь сезонная дама, страдающая бессонницей. Отъ кого? — спрашиваю. Татаринъ ткнулъ рукой въ сторону, гдѣ вдали, на лавочкѣ, сидѣла какая-то особа женскаго пола. Я былъ въ хорошемъ настроеніи духа, пошутилъ: поднесъ цвѣты своему спутнику. Тотъ возвращаетъ мнѣ, я — снова ему. Татаринъ смутился, оглянулся и жестами спрашиваетъ сидящую въ отдаленіи женщину, кому изъ насъ надо отдать букетъ? Тогда мы встали и пошли прочь, оставивъ цвѣты на лавочкѣ... Конечно, очень скоро я забылъ про это происшествіе на набережной. Случай этотъ прошелъ мимо и, какъ множество всякихъ пустяковъ, попалъ въ яму забвенія. И вдругъ этотъ пустой случай оживаетъ и превращается въ такую трогательную красоту женской души, что никогда уже не забудется! Осенью получаю письмо изъ Сибирской глуши: какая-то дѣвушка, сельская учительница, пишетъ мнѣ, что три года она лелеяла мечту увидать меня, купила деньги на путешествіе въ Крымъ, съ большимъ трудомъ добилась отпуска и поѣхала въ Ялту. Пишетъ, что долго простаивала у воротъ моей дачи, чтобы увидать любимаго писателя, и наконецъ, подкараулила и пошла слѣдомъ за мной на набережную, но подойти не рѣшилась, а купила розы и послала мнѣ съ татаринкомъ, а я бросилъ ихъ на лавочкѣ и только посмѣялся... Но все равно — пишетъ — я все-таки счастлива тѣмъ, что васъ видѣла, потому, что вы мой самый любимый писатель...

— И вотъ эта дѣвушка вспоминаетъ мнѣ теперь каждый разъ, когда въ передней задрогнетъ робкій звонокъ и мать откажетъ кому-то въ пріемѣ...

Печальные глаза Антона Павловича до сихъ поръ помнятся мнѣ вмѣстѣ съ разсказомъ о бѣдной дѣвущкѣ съ цвѣтами...

ЕВГЕНІЙ ЧИРИКОВЪ.